Сергей Тамбовский

Вязьма-41

Сергей Тамбовский

Вязьма-41

«Автор»
2026

Тамбовский С.

Вязьма-41 / С. Тамбовский — «Автор», 2026

Наш современник попадает в 1941 год в командира 20й армии под Вязьмой. Впереди самое крупное поражение Красной армии и котел размером в миллион бойцов. Сможет ли наш герой если не изменить историю, то хотя бы немного ее подправить, сказать сложно... но он точно попытается это сделать.

© Тамбовский С., 2026
© Автор, 2026

Сергей Тамбовский
Вязьма-41

Вязьма-1

В августе этого года мы с женой решили съездить в Смоленск, просто никогда там не бывали, а место знаковое. Просто вот сели и поехали на своей Лачетти – у нее отпуск вообще всегда бывал в конце лета в своем институте, а я подгадал его к этой дате на своем комбинате. Поездке предшествовали разные события, но уж не будем про это… сначала надо было добраться до Московской кольцевой, а там крутануться до М1-Беларусь, это как раз на Смоленск будет, а потом на Витебск и Минск.

Дорога муторная какая-то выдалась, после Владимира, как это водится, начались стандартные пробки на каждом светофоре, а начиная с Балашихи, так и совсем мертвый стояк, но через восемь часов мы выбрались на трассу М1, а там уже и Смоленск светил нам в тумане, как лампочка в фонаре. Смоленск вообще хороший город, если не считать разбитых в хлам основных магистралей и злых, как голодные кобели, гаишников. Кремль там большой и красивый, но в полное кольцо не замкнут, примерно половина зияет дырами в круговой обороне. И Днепр там похож на реку Цну, например, в районе Тамбова, узенький и скромный.

Провели мы там положенные два с половиной дня, да и собрались обратно, а где-то через сто километров супруга заметила указатель налево с надписью Хмелита.

- Да это ж родовое имение Грибоедовых, - сказала она, - давай завернем что ли.

И я согласился, о чем в дальнейшем горько пожалел, но это в дальнейшем. Дорога в Хмелиту пролегала посреди бескрайних полей, разрежаемых изредка небольшими перелесками. Через полчаса дорога закончилась, упершись в сельское поселение с белой табличкой Хмелита.

Тут собственно все было примерно так же, как и в десятке других провинциальных усадьбах, кои я лично видел за последнее десятилетие, Болдино, Гагино, Александров, даже и в Ломоносове-Ораниенбауме то же самое. Какая-то часть усадьбы отреставрирована, дай бог половина, а чаще четверть, а остальное чисто декоративно закрыто картонными щитами.

Прогулялись, даже и с экскурсоводом, а под вечер нам предложили переночевать в местном гостевом доме – на звание гостиницы оно не натягивало, а вот на дом вполне. Это была старинная постройка на краю села, вросшая в землю с течением веков, лет двести с ее строительства точно прошло. Комендантша этого дома, пожилая местная жительница с суровым, будто из гранита высеченным лицом, проводила нас в номер, выдала ключ от наружной двери и сказала, чтоб закрылись на ночь – больше сегодня постояльцев не будет.

- А еще вот вам пара помидоров с моего огорода и огурец, - выдала она нам два огромных томата, - это в виде бонуса будет, вы первые посетители здесь за месяц.

Помидоры мы взяли, сделали из них подобие салата, заперлись, конечно, изнутри… ночью мне постоянно чудились какие-то шаги и звуки в коридоре второго этажа, но проверять ничего не стал, сделал вид, что почудилось. Наутро мы рассчитались с управляющей этим отелем и двинулись обратно. И примерно через десять километров от Хмелиты я заметил на обочине табличку «Мемориал Богородицкое поле». Жена ее тоже увидела и спросила:

- Это что, не знаешь?

- Точно не знаю, но могу предположить – здесь в 1941 году немцы взяли в котел много наших бойцов, под миллион что ли… и после этого дорога на Москву осталась открытой – ничего там больше не было… ну практически ничего. Как потом наши выкрутились, тайна покрытая мраком.

- Давай заедем, - пихнула меня в бок супруга, - когда еще здесь окажемся, а тут все равно по дороге.

- Да не вопрос, - откликнулся я, сворачивая направо, - в полчаса, надеюсь, уложимся.

- А то что?

- Нам в гостиницу в Подольске надо до семи вечера успеть, вот что… а то ночевать на улице будем.

- Тогда нажми на газ, - сказала она, и я подчинился ее справедливому требованию.

От трассы Хмелита-Вязьма всего-то километра три оказалось – сначала появились ворота, где я и остановил свой Дастер, а за ним длинная аллея памятников, заканчивающаяся большим обелиском. Мы прошли вдоль всей этой аллеи, цветов у нас, к сожалению, не было, положил к подножию одного из них значок с видами нашего города и цифрой 800, недавно исполнилось. А потом жена начала задавать вопросы.

- Я что-то читала по этому поводу – тут большое сражение было…

- Большое – это не то слово, - ответил я, - с обеих сторон под три миллиона сражающихся… в итоге тут случилось самое большое поражение Красной армии в Великой отечественной… ну или второе по величине, после Киевского котла. Но об этом спорят до сих пор, кто на первом месте.

Мы медленно прошлись по аллее, где справа были гранитные памятники не с фамилиями, а с армиями, и уперлись в главный монумент в виде высокой стелы с красной звездой. Тут-то меня и накрыло… в глазах потемнело, ноги сразу стали ватными, в ушах зашумело, примерно как в сильный прибой где-то в Сочи или в Ялте.

- Ты чего? – тут же среагировала жена, - ты это кончай! Смотри на меня, быстро…

Но смотреть никуда я уже не смог, потому чо белый свет померк через пару секунд… очнулся я не знаю, через сколько, но жены рядом уже не было, а стояли два красноармейца в форме образца до 1943 года. Один из них бил меня по щекам и повторял:

- Товарищ командарм, очнитесь! Товарищ командарм, сейчас военврач подойдет!

Почему-то почти сразу из глубин долговременной памяти всплыли подробности – сейчас идет конец сентября 1941 года, а я здесь Ершаков Филипп Афанасьевич, командующий 20-й армией, прикрывающей северный фас Вяземского укрепрайона. И через пару-тройку дней немцы начнут где-то здесь смыкать свои клещи, в результате чего в окружение попадет миллион бойцов Красной армии.

- Хватит, - перехватил я руку офицера, хлеставшего меня по щекам, - синяки будут… что со мной произошло?

- Шальной снаряд прилетел, товарищ генерал-лейтенант, - обрадованно сообщил тот, судя по петлицам – лейтенант, и я даже вспомнил, как его зовут – Зотов Николай, мой адъютант, - вас и зацепило взрывной волной.

- Бывает, - я оперся ладонями о землю и принял вертикальное положение… попытался принять, получилось это с трудом, - где машина? – спросил я у него.

- Так вон, под березой стоит, - указал он направление, - можно продолжать движение.

- Напомни, куда мы ехали? – спросил я у него.

- Дык в расположение танковой бригады, товарищ командир, - обрадовался Зотов, что меня не надо хоронить, второго бойца я тоже вспомнил, как зовут – Игнатьев Павел его зовут, мой ординарец.

- Ну так поехали, чего стоим, - я уже разобрался с ориентацией в пространстве и уверенно держал вертикальное положение, - далеко еще?

- Километров пять, - доложил Зотов, - минут 7-8 на эмке.

Мы загрузились в эмку и попрыгали на ухабах навстречу заходящему солнцу. Этой танковой бригадой, как подсказала мне все та же память настоящего Ершакова, командовал полковник Мишулин, прошедший, как я, бои под Минском и Смоленском. Всего в ней, в этой бригаде, по последним данным числилось 92 танка, в основном БТ и Т-26, Т-34 осталось всего пять штук.

- Напомни, - обратился я к Зотову, - какое сегодня число.

- 30 сентября, товарищ командарм, - ответил он.

Значит, до наступления немцев осталось двое суток, подумал я, даже чуть меньше, полтора…

- Приехали, товарищ генерал, - просигнализировал с водительского сиденья Игнатьев, - штаб бригады вон в той хате, - он указал направо на покосившуюся деревенскую постройку с соломенной крышей.

- Давай прямо туда, - дал я ему команду.

Эмка пропрыгала на ухабах и ямах еще немного, потом остановилась именно там, куда указал, я вышел и присел пару раз… вроде все части тела слушаются, это хорошо, попробуем двигаться дальше.

- Николай, а куда мы в итоге-то ехали, напомни?

- Так к Дорогобужу, товарищ командарм, - тут же вылетело из адъютанта, - там назначено совещание командующих армиями… - по его лицу было видно, что провалы в моей памяти его пугают.

- Успеваем? – спросил я.

- Если поторопимся, то тютелька в тютельку успеем, - раскрыл он свой рот в подобие улыбки.

- Ну так и поехали…

- У вас все в порядке, Филипп Афанасьевич? – озаботился он, - мне не нравится, как дергается ваше лицо.

- Нормально оно дергается, - отрезал я, - поговорим сейчас с командиром бригады, потом в Дорогобуж поедем.

Мишулин встретил меня у ограды этой неказистой хаты, вид у него был сумрачный, а тон доклада не предвещал ничего хорошего.

- Чиним матчасть и готовимся выполнить любой приказ командования, - кратко доложил он.

- Что у тебя с матчастью? – поинтересовался я.

- Обрадовать нечем, Филипп Афанасьевич, - честно ответил он, - полностью боеготовы 45 танков из 92-х…

- А с остальными что?

- Поломки ходовой части в основном… но и двигатели у многих сильно изношены. Прошу дать указание разукомплектовать самые безнадежные единицы в целях поставить их живые запчасти на другие машины.

- И сколько тогда прибавится боеготовых единиц? – спросил я.

- Примерно 18-20 штук…

- То есть на ходу будет около 65 машин… даю такое разрешение, но чтобы работы провелись в самые короткие сроки. А как вообще обстановка в бригаде? Горючего-то надолго хватит?

- На марш в 250 километров, если не считать убитые единицы техники. Обстановка боевая… личный состав готов к бою и походу в любое время суток. А у вас контузия случилась, Филипп Афанасьевич?

- Обстреляли по дороге, - ответил я, - обошлось пока…

В дороге в Дорогобуж я начал вспоминать, кто такой Ершаков и как сложится его судьба во время Великой отечественной, и воспоминания эти мне сильно не понравились. Ершаков попадет в так называемый Вязьминский котел, а потом и в немецкий плен примерно через месяц, где и умрет через год в полной безвестности, где-то в концлагере на территории Польши.

И это мне сильно не понравилось… уж если судьба подарила тебе, Володя, такой шанс, давай уж напрягись и сделай что-то, чтоб в альтернативной истории оказался немецкий концлагерь, а не ты сам…

Дорогобуж был чем-то средним между поселком городского типа и обычной деревней – одна главная улица и с десяток поперечных. Совещание, естественно, было назначено в горкоме партии на центральной улице Ленина. Кроме меня, тут еще собрались командармы Юшкевич, Масленников, Хоменко, Лукин, Ракутин, отдельно от всех стоял командир 16 армии Рокоссовский, ну и руководил всем совещанием, конечно, генерал-полковник Конев, начальник Западного фронта с численностью бойцов в полмиллиона с лишним. Конев был на взводе, это сразу бросалось в глаза.

- Ты почему опоздал? – выкатил он на меня бешеные глаза, белесые какие-то, почти без зрачков.

- Виноват, товарищ генерал, - встал по струнке я, - шальной Юнкерс обстрелял.

- Где это было? – сбавил тон командующий.

- Между Осиновкой и Березовкой, товарищ генерал, - пояснил я.

- Покажи на карте, - и он подошел к огромной крупномасштабной карте, висевшей на стене.

- Примерно здесь, - ткнул я карандашом чуть восточнее Дорогобужа.

- Ран, я вижу, у тебя нет, - перешел на совсем нормальный тон Конев, - а что с контузией?

- Контузия тоже обошла меня стороной, - доложил я, - давайте приступим к совещанию уже…

- Хорошо, приступим… - Конев, насколько я помнил, периодически страдал приступами бешенства, иногда это помогало в трудных ситуациях, - Юшкевич, начнем с тебя – что происходит на твоем участке фронта, доложи.

Юшкевич, а за ним Масленников, Хоменко и Лукин долго и нудно докладывали о том, что именно происходит на их участках. Рокоссовского, который командовал 16-й армией, с севера примыкающей к моей 20й, заслушали в конце… ничего существенного никто из них не сообщил, тогда Конев перешел ко мне.

- Ну что, Филипп Афанасьевич, теперь твоя очередь пришла – приступай к докладу.

Диспозиция сторон в конце сентября 1941 года

В начале осени 41 года немецкое командование сосредоточило на западном направлении основные усилия, рассчитывая разгромить последнюю группировку, преграждающую путь к Москве, и закончить на этом свою восточную кампанию. Операция получила кодовое название Тайфун – так назывались разрушительные ураганы на Дальнем Востоке. Командование советских сил ожидало главных ударов от немцев вдоль главных магистралей Смоленск-Вязьма и вдоль Варшавского шоссе, но этого не случилось. В связи с хорошей погодой и проходимостью второстепенных дорог вермахт нанес основные удары в направлениях Духовщина-Вязьма и Рославль-Вязьма, южнее и севернее магистрального хода на Москву. Что представляли из себя эти города и направления, попробуем разобраться вместе…

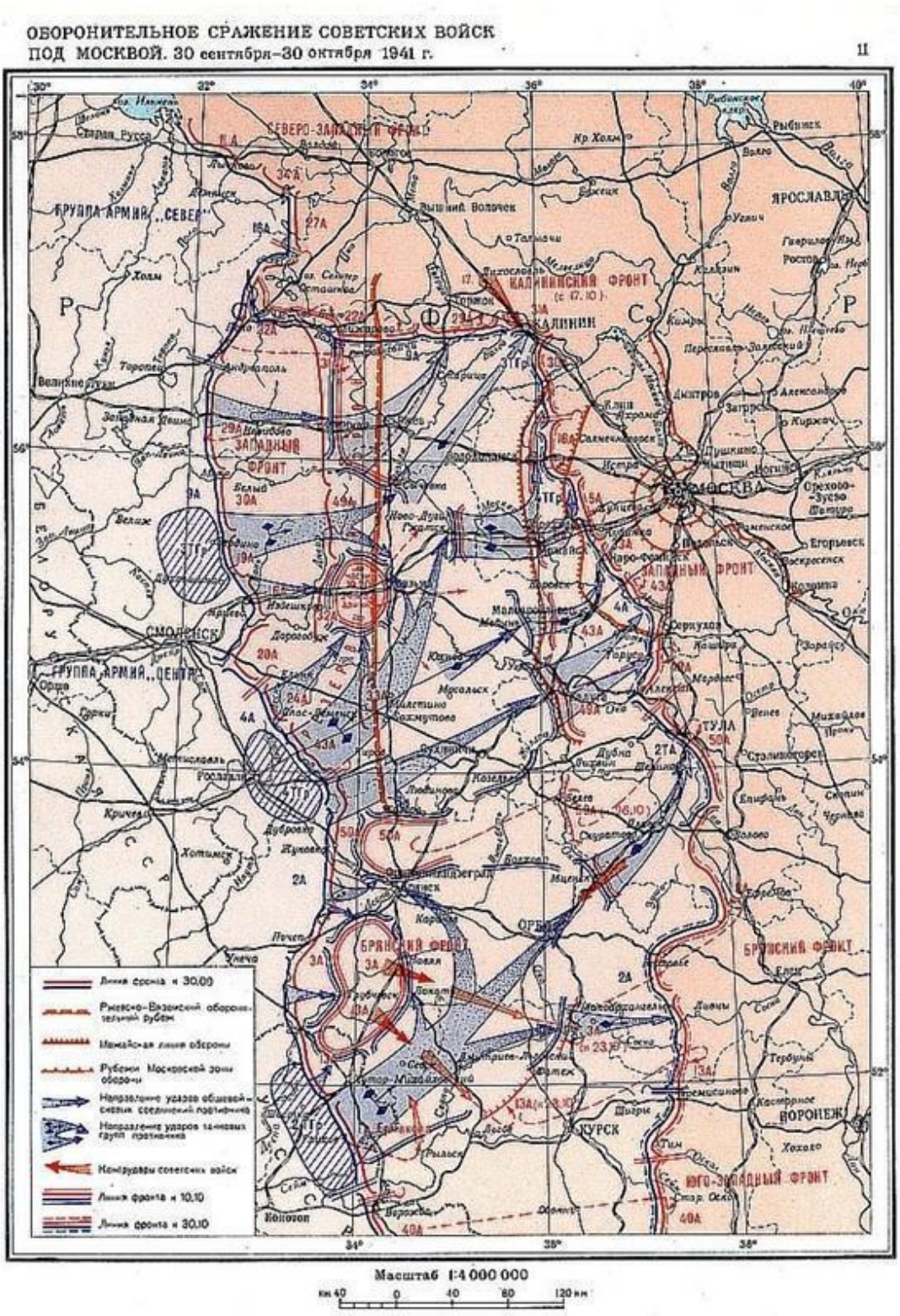
Рославль, начнем с него… вообще его название варьировалось во времени от Ростиславля до Рославля, а начинается его славная история аж с 13 века и с домонгольских времен – в 1211 году этот город заложил князь Ростислав на земле радимичей. Впоследствии с ним произошло много разных приключений, включая переход под владычество Литвы, причем не один раз, но при советской власти он преобразился в крепкий провинциальный городок на границе с Белоруссией. Жителей тут проживало в районе 10 тысяч, никакой особенной промышленности и дислокации вооруженных сил не имелось. 3 августа 41 года город был занят частями 4-й танковой дивизии вермахта и с тех пор находился под оккупацией почти ровно два года.

Теперь про Духовщину… город на реке Востица в 60 км от Смоленска на северо-запад, славной истории в отличие от Рославля не имел, в начале 40-х годов там жило порядка 4 тысяч населения, из достопримечательностей здесь стояли хлебокомбинат, лесопилочный пункт и районная птицефабрика. Его регулярные части германской армии заняли чуть раньше Рославля, в конце жаркого июля-41, и с тех пор он находился под оккупацией те же два года.

Фронт в конце сентября проходил по направлениям Андриаполь-Вердино-Ярцево на севере и Смоленск-Мстиславль-Рославль на юге. Соотношение сил сторон на этот момент было таким – у СССР 38-42 дивизии (точное количество неизвестно), 800 тысяч бойцов, 2 фронта, Западный и Резервный, которыми командовали Конев и Буденный соответственно. По танкам соотношение было убийственное – около тысячи танков у нас против 3 немецких группы с 2,5 тысячами машин. По самолетам примерно так же, 500 наших против 1,5 тысяч немецких из корпуса Рихтгофена. Единственное, в чем наши силы были примерно равны, заключалось в количестве стволов артиллерии, что служило слабым утешением.

Советское командование ждало ударов по основным трассам, ведущим с запада на восток – Смоленск-Москва и Брянск-Москва, но здесь немцы перехитрили наших стратегов, нанеся удары вдоль второстепенных дорог. Еще одной соломинкой, надорвавшей командование РККА , стала переброска 4-го танковой группы Гепнера из-под Ленинграда, а это была дополнительные полтысячи единиц бронетанкового характера.

Казалось бы, что у русских нет ни единого шанса противостоять железному натиску с запада, но не будем забывать о полученных из будущего знаниях генералом Ершаковым… что из этого получится, может знать только господь бог… а возможно и он тоже нет Карта линии фронта на конец сентября с последующим развитием событий была такая



Совещание в Дорогобуже, продолжение

- Вверенная в мое подчинение 20-я армия занимает позиции от Ельни на юге до Ярцева на севере… всего фронт протяженностью 72 километра. В составе армии числятся 4 стрелковые дивизии, одна танковая бригада, две артиллерийские дивизии Резерва Главного командо-

вания, а также 4 вспомогательных соединения. Общая численность армии на сегодня составляет 53,5 тысячи бойцов, 112 танков и самоходных орудий, из них боеготовы около половины, 515 артиллерийских орудий и около 500 автомобилей и тракторов, точное количество будет сегодня к вечеру. Одна дивизия, таким образом, у нас сейчас прикрывает не более 10 километров фронта, что является вполне достаточным по всем рекомендациям Генерального штаба.

- Ваши противники по ту линию фронта что собой представляют? – Конев снял фуражку, вытер пот со лба и ввернул фуражку на место, - что известно достоверно, что предположительно, доложите.

- По ту сторону фронта по данным армейской разведки сосредоточены основные силы группы армий Центр, - спокойно продолжил Ершаков, - они состоят из 3 и 4 общевойсковых армий и 3 и 4 танковых групп…

- Стоп-стоп-стоп, - прервал его доклад командующий 16 армией Рокоссовский, - при чем тут 4-й танковая группа Гепнера? Насколько мне известно, эта группа сейчас находится под Ленинградом в районе Гатчины и под Дорогобужем присутствовать никак не может…

- У меня данные полковой разведки из района Ельни, Константин Константинович, - парировал его выпал я, - они говорят о том, что на этом направлении в последние два дня развернута большая масса танковых соединений, порядка полтысячи… такую дополнительную силу группа Центр могла получить только из-под Ленинграда…

- Остановились все, - громко скомандовал Конев, встав из-за стола, - Филипп Афанасьевич, вы понимаете всю ответственность за сделанное заявление?

- Отлично понимаю, Иван Степанович, - я смело посмотрел в бешеные глаза командующего, когда у тебя впереди нарисован плен и смерть в концлагере, поневоле станешь смелым, - и готов подписаться под каждой буквой своего заявления.

- Тогда продолжим… - Конев слегка умерил свой пыл и разрешил мне закончить доклад.

- Итак, что мы имеем на направлении главного удара… вдоль шоссе Смоленск-Москва… с нашей стороны эти 70 километров прикрыты на должном уровне, и даже численное превосходство немцев большой роли не сыграет – моя армия будет стоять насмерть, под этим я тоже готов подписаться, хоть кровью…

- Поменьше высокопарных слов, Филипп Афанасьевич, - поморщился Конев, - и побольше конкретики.

- Давайте посмотрим, что у нас творится на стыках 20-й армии с обеих сторон… если нет возражений к этому…

- Возражений нет, продолжайте, - великодушно махнул рукой Конев.

- С севера там 19 армия Лукина, - начал я, - с юга 25-я армия Ракутина… насколько мне известно, обе они существенно уступают моей 20-й армии как по численному составу, так и по вооружениям.

- Ты прав, Филипп Афанасьевич, - нарушил молчание Лукин, - чуть ли не вдвое мы тебе уступаем. Причем танков у нас даже и по полсотни штук не насчитывается.

- Тогда давайте подумаем за немцев, - предложил я, выходя к большой карте на торцовой стене помещения, - если бы мы поменялись местами, то какие бы были наши действия в этом случае?

Собрание мертво молчало, поэтому я просто продолжил свои размышления вслух.

- Сами смотрите… немцы далеко не дураки, и разведка у них работает исправно, поэтому диспозицию наших войск они давно изучили. Мы исходим из того, что раз фашисты до этого момента главные удары производили по магистральным дорогам… так было и под Минском, и под Смоленском, да и Киев они окружили, ударив по московской трассе… то и сейчас они пойдут по магистральному шоссе Минск-Москва, верно?

- Ты не тормози, Филипп Афанасьевич, - подстегнул мою речевую активность Конев, - доведи лучше до конца свою мысль.

- А я уже почти и закончил, Иван Степанович, - по-прежнему смело смотрел я ему в глаза, - а что, если в данном конкретном случае они решат действовать по второстепенным дорогам? На дворе бабье лето, грязи нет, даже самые проселочные дороги сейчас проходимы колесной и гусеничной техникой… с севера от Смоленского шоссе у нас есть достаточно наезженная трасса Духовщина-Сафоново (я показал на карте, где это), а с юга – две трассы от Рославля на Спас-Деменск. Удары по этим направлениям Красная армия скорее всего сдержать не сможет, особенно, если они будут подкреплены двумя танковыми группами… это, собственно, все, что я хотел донести до нашего совещания…

- А дальше будет огромный котел в районе Дорогобужа-Вязьмы, - это негромко сказал Рокоссовский.

- Отставить паникерские высказывания, - окрысился Конев, - чтобы я слова котел тут больше не слышал…

И в кабинете секретаря горкома Дорогобужа, где мы сидели, повисла мертвая тишина. Добрых две минуты никто ничего не произнес, но первым все же собрался с мыслями Конев.

- Раз уж ты начал, Филипп Афанасьевич, ты и заканчивай… а то как критиковать, это все горазды, а как только что-то сделать, охотников почему-то не находится.

- Почему же, Иван Степанович, - вернулся я на свое место за столом, - я не только критиковать могу, а кое-что еще…

- Ну вот и выкладывай, - буркнул Конев, уставившись в раскрытый блокнот на столе.

- Необходимо срочно, за два-три дня, передислоцировать часть сил моей 20-й армии на стыки с 19 и 25-й… боеспособные танки при этом врыть в землю на наиболее танкоопасных направлениях… не все, конечно, но по хотя бы по полсотни с обеих сторон. Что еще… запросить часть сил у Резервного фронта, чтобы они прикрыли эти направления… и хорошо бы начать артподготовку по немецким позициям примерно за час-два до начала их наступления… авиаразведка тоже не помешала бы в увеличенных размерах. Скопление танков в таких количествах укрыть невозможно, это же не иголка в стоге сена, а скорее вилы в маленькой копне.

- И откуда вы знаете, Филипп Афанасьевич, когда они начнут свое наступление? – уже сниженным тоном, но все равно напористо спросил Конев.

- Ориентировочно это должно произойти в течение 2-3 дней, не позднее 2 октября, - отчеканил я, - а совсем точную дату наступления может сообщить разведка, как полевая, так и воздушная… приготовления к такому масштабному действию скрыть очень сложно.

- Из Ставки ВГК у нас приказ обороняться, - продолжил свое бесконечное хождение вдоль окон Конев, - мне объяснить тебе, что бывает за невыполнение приказа?

- Оборона может быть не только пассивной, но и активной, товарищ Конев, - продолжил я гнуть свою линию, - поэтому наши возможные действия по предотвращению наступления фашистов никак не могут быть сочтены невыполнением приказа обороняться.

- Язык у тебя хорошо подвешен… - задумчиво произнес Конев, а затем обратился ко всем присутствующим, - а вы что думаете на этот счет, товарищи командармы?

- Филипп Афанасьевич у нас сегодня самый разговорчивый, - подал голос Рокоссовский, - пусть он и заканчивает то, что начал.

- Продолжайте, - кивнул мне Конев, - высказывайте все, что накопилось, без оглядки на чины.

- Слушаюсь, - послушно отозвался я, после чего в двух буквально предложениях закончил свое выступление.

И тут загремел аппарат ВЧ-связи перед Коневым…

Совещание в ставке группы армий Центр, Витебск, 29 сентября 1941 года

Совещание было назначено в витебском горкоме, советские флаги и эмблемы на фронтоне с него оперативно убрали, теперь сверху над входом значилась надпись “Комендатура Витебского округа”, а по бокам висели вертикальные красные полотнища со свастикой.

Съехались все командиры армий, предназначенных для решающего удара по Вязьминско-Брянской группировке Красной армии. Участие в совещании приняли собственно командующий группой армий Теодор фон Бок, а также командиры полевых 2, 4 и 9 армий фон Вейсс, фон Клюге и Адольф Штраус, и танковых соединений в числе 2, 3 и 4 групп, которыми командовали Гудериан, Гот и Гепнер. 4 танковая группа была скрытно переброшена из-под Ленинграда в течение последней недели, таким образом, в составе группы армий Центр сейчас было сосредоточено три четверти всех бронетанковых сил рейха, около 3 тысяч машин.

- Майне херрен, - начал свой доклад фон Бок (в роду у него были как прусские, так и русские люди, поэтому его настоящее имя было Федор, в послужном списке у него значилась служба в 11 армии в Первой мировой, а затем успешные операции во время Польской и Французской кампаний вермахта, в частности он принимал парад у Триумфальной арки при взятии Парижа, после чего назначен генерал-фельдмаршалом, в Восточной же кампании успешно провел Минскую и Витебскую операции), - я собрал вас с тем, чтобы внести финальные коррективы в скорое и, надеюсь, успешное наступление вермахта в направлении Вязьмы и Брянска. Начало операций южного фланга назначено на завтра, 30 сентября, северный фланг же переходит в наступление через два дня, а именно 2 октября. Сейчас начальник штаба фон Грейнферберг кратко обрисует задачи каждого соединения, прошу вас…

- Майне херрен, - повторил обращение начальника начштаба, подойдя к большой карте Белоруссии и Западной России, - по данным разведки русские сосредоточили свои основные силы возле главных магистралей, ведущих с запада на восток, а конкретно возле Минского шоссе, там находится около половины сил Центрального фронта, а также вдоль Варшавского шоссе, от Унечи на Козельск. Русских нетрудно понять, до сих пор наши основные удары приходились на главные магистрали, ведущие с запада на восток, но на сей раз штаб армий Центр предлагает альтернативный способ ведения наступления. Смотрите сами – севернее и южнее Минского шоссе находятся ограниченные силы русских, - и он показал на карте, где именно расположены эти силы, - мы же предлагаем основной удар нанести именно здесь, на стыках русских армий, 20-й и 16-й с севера и 20-й и 24-й с юга. Тем самым будет осуществлен охват гигантских сил русской армии с последующим уничтожением.

- Сколько там русских сил? – спросил фон Бок.

- По данным разведки, - продолжил Грейнферберг, - не менее полумиллиона. Скорее всего больше…

- Хорошо, я вас понял, - ответил фон Бок, - прошу высказываться участников совещания.

Некоторое время в кабинете секретаря Витебского горкома… в бывшем, конечно, кабинете секретаря… царила звенящая тишина, а после поднял руку Гудериан (родился в семье потомственных военных около Данцига, в Первой мировой особых лавров не снискал, но в промежутке между двумя мировыми сумел выдвинуться, как теоретик бронетанковых войск, в частности написал книгу “Внимание, танки!”, в польских и французских походах зарекомендовал себя, как успешный, но иногда неуправляемый военачальник, в Восточной кампании назначен командиром 2-й танковой группы).

- Конечно, Хайнц, выкладывайте все, что у вас накопилось, - махнул ему рукой фон Бок.

- Силы вверенной мне группы расположены южнее обсуждаемого главного направления удара, между Конотопом и Унечей, - он встал и подошел к карте, - примерно здесь… напротив нас две русские армии, 3-я под командованием Крейзера и 40-я, здесь главный Попов. Силы противника оцениваются нашей разведкой примерно в 125 тысяч живой силы, 220 танков и 1100 стволов артиллерии. Наиболее удачным я лично считаю удар ровно на стыке этих двух соединений русских, по направлению Хутор Михайловский-Локоть-Орел. Тем самым мы смо-

жем осуществить глубокий прорыв, посеять панику в рядах противника и в итоге соединиться с частями 4 танковой группы в районе Брянска, замкнув в котел минимум две армии и 150 тысяч бойцов.

- Хорошо, генерал, - кивнул ему фон Бок, - что скажет командир 4-го танковой группы?

Эрих Гепнер встал, одернул китель и начал докладывать (краткая справка по нему – 55 лет, родился во Франкфурте-на Одере, обучался в школе юнкеров, затем в военной академии в Берлине, в Первой мировой ничем особенным не отметился, но в Польской и Французской кампаниях 39-40 годов дослужился до звания генерал-полковника, в начале Восточного похода назначен командиром 4 танковой группы… в дальнейшем в реальной истории снят с должности с позором за несанкционированный отвод своих сил от Москвы, затем участвовал в заговоре против итлера в 44 году, повешен в тюрьме Плецззенцее в Берлине в июле 44).

- Майне херен, - начал он со стандартной заставки, - перевод моей группы от стен Ленинграда явился, не буду скрывать, полнейшей неожиданностью как для меня лично, так и для всего личного состава подразделения. Дело в том, что для окончательного штурма города, который, замечу, был русской столицей более 200 лет, и в котором расположена масса военных заводов, непрерывно выпускающих боевую технику, в частности небезызвестные танки КВ, нам оставалось сделать последний шаг. Противник был полностью деморализован, надо было только подтолкнуть падающего…

- Эрих, - одернул его фон Бок, - давайте не будем обсуждать приказы высшего командования и сосредоточимся на текущей повестке дня.

А Гудериан добавил градуса в обсуждение.

- Эрих, я понимаю ваши сомнения, мою группу тоже перебросили под Киев месяц назад, не согласовав вопрос со мной… а ведь в противном случае мы могли бы сейчас обсуждать вопросы в Московском Кремле… но я не жалуюсь и не выношу все это на открытое обсуждение…

- Благодарю вас, Гейнц, и я вас понял, герр фельдмаршал, - встал по стойке смирно Гепнер, - давайте сосредоточимся на повестке дня. Итак, войска моей группы, совершившие скрытную 600-километровую передислокацию на юг, заняли позиции в регионе Дубровка-Рославль. Напротив нас расположены силы 43 армии под командованием Собенникова, севернее находится 24 армия, командир Козлов, с юга 50 армия под началом Петрова. Общая численность войск русских на этом направлении оценивается в 165 тысяч живой силы, 335 танков и 1400 артиллерийских стволов разного калибра.

- Доложите ваши силы, генерал, - потребовал фон Бок.

- 152 тысячи военнослужащих и 660 боевых машин, - четко доложил тот.

- Какова боеготовность механизированных частей?

- На уровне 90 процентов… наиболее выгодным направлением удара моей группы я считаю… - Гепнер тоже подошел к карте и взял указку, - я считаю такое – Спас-Деменск-Юхнов-Вязьма. Таким образом, наши силы одновременно могут замкнуть два кольца – с юга возле Брянска и с севера около Вязьмы. В котел по самым скромным подсчетам попадет не меньше полумиллиона русских.

- Гут, - произнес фон Бок, - теперь ваше слово, Герман, повернул он голов в сторону командира 3-й танковой группой Гота (его боевой путь почти ничем не отличался от Гудериана и Гепнера, за исключением того факта, что в конце 10-х и начале 20-х годов он активно сражался против сил немецких коммунистов, причем очень успешно).

Гот, поджарый 55-летний мужчина, отдаленно напоминающий наследника английского престола Чарльза, повторил путь своих предшественников, выйдя к карте.

- Майне херен, - поднял он указку на уровень глаз, - 3-я танковая группа расположена на севере нашего театра военных действии, в районе Духовщина-Велиж, через линию фронта у нас 16, 19 и 30 армии Западного фронта. Силы сторон таковы – превосходство нашей группы

над русскими в живой силе примерно в 1,4 раза, в бронетанковой технике – в 3 раза, по артиллерии примерный паритет. Вверенное мне подразделение готово выполнить любой приказ командования и разбить силы Советов в течение максимум недели…

- А как минимум сколько? – поинтересовался фон Бок.

- Как минимум… думаю, нам хватит 3-4 суток.

29 сентября 1941 года, кабинет Сталина в Кремле

В этот день Верховный главнокомандующий собрал большое совещание руководителей государства и армии, началось оно по обыкновению поздно вечером, в половине десятого. Присутствовали Молотов, Берия, Маленков от правительства и Шапошников, Василевский, Буденный, Говоров, Петров и Кузнецов (последний это командующий ВМФ страны, предпоследний – организатор обороны Одессы и успешной эвакуации наших войск оттуда).

Сталин был хмур и неразговорчив, он быстро передал управление совещанием Маленкову и сел за свой необъятный стол, устремив взгляд на хрустальный чернильный прибор, подарок с Уральского механического завода.

- Товарищи, - начал Маленков, - за истекшие сутки ситуация на фронтах развивалась следующим образом… наибольших успехов наши войска достигли на Южном фронте, там наши войска комбинированным ударом пехоты и десанта с моря разгромили две румынские дивизии. Потери противника до 5 тысяч, из них убитыми до 2 тысяч. На прочих участках фронта идет позиционная борьба без существенного продвижения в обе стороны.

- Георгий Максимиллианович, - подал голос Сталин, - сводку Совинформбюро мы и без вас можем прочитать… давайте уже конкретику.

- Хорошо, товарищ Сталин, - покладисто ответил Маленков, - перехожу ближе к делу… эвакуация промышленных предприятий, попадающих в возможную зону оккупации, идет нарастающими темпами. На текущий момент полностью вывезено в Поволжье, Урал и Сибирь 1220 предприятий из Украины, Белоруссии и Прибалтики, эвакуация еще 2120 заводов продолжается. Все идет по утвержденному плану.

- Что с Харьковскими заводами? – поинтересовался Сталин.

- Паровозостроительный завод имени Малышева вывезен полностью… в Свердловск, Иосиф Виссарионович, - доложил Маленков, - эвакуация тракторного, моторного и ФЭДа находятся в процессе.

- Ладно, - махнул рукой Сталин с непроницаемым лицом, - сколько танков и самолетов выпущено за последние сутки?

- Эээээ… - Маленков полистал свои записки и нашел нужный пункт, - 15 танков Т-34, 2 КВ, 6 БТ7… а что касается авиатехники… 11 истребителей, 5 штурмовиков и 6 бомбардировщиков.

- Мало… очень мало, - пробурчал Сталин, - это даже восполнить наши потери не сможет… надо ускорить темпы производства… вызовите на завтра сюда Яковлева и Ванникова.

- Слушаюсь, товарищ Сталин, - стал по стойке смирно Маленков. – Теперь относительно Западного фронта… думаю, будет лучше, если этот вопрос осветит товарищ Василевский.

- Прошу вас, Александр Михайлович, - выдал разрешение заместителю генштаба верховный.

Василевский встал, одернул китель и начал свой доклад.

- Обстановка на Западном направлении тревожная, товарищ Сталин… Западный и Резервный фронта находятся в ожидании неминуемого удара противника… при этом все наиболее танкоопасные направления у нас прикрыты надлежащим образом.

- Покажите это на карте, товарищ Василевский, - предложил Верховный, генерал подошел к стене, на которой висела огромная карта западных областей России, и продолжил свой доклад.

- По данным нашей разведки, против нас здесь сосредоточены основные силы группы армий Центр… это 4-я и 9-я полевые армии под командованием фон Клюге и Адольфа Штрауса соответственно, а также две моторизованных армии, 2-я и 3-я, ими командуют Гудериан и Гот. Общая численность этого кулака оценивается нами в 1,2 миллиона живой силы и около 2 тысяч танков… поддержку с воздуха им могут осуществить 2-й воздушный флот Кесельринга, это примерно 1300 единиц против нашей тысячи…

- Где сосредоточены основные силы немцев? – продолжил задавать вопросы Сталин.

- Вот здесь, товарищ главнокомандующий, - показал указкой на карте Василевский, - в трех пунктах, Духовщина на севере, Рославль вдоль Минского шоссе и Шостка на юге.

- И в каких же направлениях, на ваш взгляд, товарищ Василевский, немцы нанесут главные удары?

- Исходя из опыта предыдущих периодов, товарищ Сталин, - вторично одернул китель Василевский, - генштаб предполагает, что основные силы немцев будут брошены по основным магистралям, ведущим с запада на восток… это Минское шоссе (он прочертил на карте это направление) и Варшавское шоссе чуть южнее.

- Таким образом, танковые клещи у них должны сомкнуться где-то в районе Козельска и Юхнова?

- Это очень большая территория, товарищ Сталин, - начал объяснять Василевский, - силами тех соединений, что присутствуют сейчас напротив Западного фронта, взять и удержать такой котел немцы не смогут. Скорее всего будут попытки организовать более мелкие котлы, но все командование и Западного, и Резервного фронтов ориентировано по этой теме… думаю, что сейчас немцы все же выдохлись и самое большее, что сумеют, это подвинуть фронт на восток на 50-70 километров.

- Я вас понял, товарищ Василевский, - кивнул Сталин, - кто еще хочет высказать свое мнение по этому вопросу?

- Если позволите, я скажу несколько слов, - поднял руку Говоров, начальник артиллерии Резервного фронта, после кивка Сталина, он начал излагать свои мысли, - в настоящее время количество стволов артиллерии разных калибров в составе Западного и Резервного фронтов составляет 3300 единиц. Это почти в полтора раза больше, чем артиллерии у немцев и существенно больше их бронетанковых средств… боекомплект на одно орудие в среднем 26 выстрелов. Этого вполне хватит, чтобы остановить любую наступательную деятельность противника в полосе этих двух фронтов.

- Благодарю вас, Леонид Александрович, - бросил через плечо Верховный, - но смотрите, какая штука… у меня донесение от товарища Конева – в нем говорится, что по непроверенным пока, но достаточно серьезным сведениям к немцам прибыло подкрепление в виде 4-й танковой группы под командованием Гепнера… что вы на это скажете?

- Товарищ Сталин, - немедленно среагировал начальник Генштаба Шапошников, - у нас таких сведений не имеется… по крайней мере, Голиков ничего такого не сообщал…

- Давайте позовем товарища Голикова (начальник Разведуправления РККА), - тихо, но уверенно сказал Сталин, возражать ему никто не решился, - а пока объявим перерыв на полчаса-час…

Голиков уложился в 20 минут, Сталин немедленно продублировал ему информацию от Конева и спросил, как это надо понимать.

- У нас другие сведения, товарищ Сталин, - не ударил тот в грязь лицом, - танковая группа Гепнера сейчас находится под Ленинградом, примерно в районе Гатчины, и никуда передислоцироваться в последнюю неделю не собиралась.

- Как вы это выяснили, Филипп Иванович? – несколько снизил тон главком, - поделитесь технологией получения таких сведений…

- Пожалуйста, - немедленно начал отвечать Голиков, - во-первых, полковая разведка 91 стрелкового полка буквально вчера делала ночную вылазку в район Гатчины и наблюдала собственными глазами стоянку танков Т-3 и Т-4… не менее сотни единиц.

- Разведка ходила за языком, я так понимаю… - продолжил задавать вопросы Сталин, - они его добыли?

- Так точно, ефрейтора Краузе, но он оказался из 38 пехотного полка 16-й полевой армии, поэтому про 4-ю танковую группу практически ничего не знал.

- Вы сказали, во-первых, значит мы можем ждать и во-вторых, товарищ Голиков? – снова перешел на официальный язык Сталин.

- Конечно, есть и во-вторых – наша служба радиоперехвата уверенно фиксирует наличие двух радистов 4-й группы возле Гатчины… почерк каждого радиста индивидуален, подделать его практически невозможно.

- Мы вас поняли… - Сталин встал, прошелся вдоль стола, за которым сидели приглашенные, и выдал еще одно уточнение.

- А в-третьих у вас что-либо подразумевается, товарищ Голиков?

- Есть и в-третьих… партизаны из Ленинградской, Новгородской и Псковской областей ничего не сообщали нам о массовых перевозках бронетехники… в 4-й группе 500 с лишним танков, переместить такую массу на расстояние 500 км, а именно столько от Гатчины до Вязьмы, это очень затратное и демаскирующее предприятие… незамеченным оно бы точно не осталось.

- Хорошо, мы поняли ваши аргументы, товарищ Голиков, - Сталин вернулся на свое место, - но давайте запросим теперь мнение товарища Конева по этому вопросу.

С Коневым главкома соединили буквально через 5 минут.

- Приветствую вас, Иван Степанович, - сказал Сталин в аппарат ВЧ-связи, - какая обстановка на вашем участке фронта?

- Пока все тихо, товарищ Сталин, - ответил Конев, - даже перестрелок никаких нет уже двое суток.

- Это должно настораживать, - наставительно ответил ему главком, - обычно тишина на фронте означает, что противник копит силы для нового удара. Но у нас к вам другой вопрос, он касается вашего сегодняшнего донесения о танковой группе Гепнера…

- Эту информацию, товарищ Сталин, сообщил командарм-20, генерал Ершаков, - немедленно вылетело из Конева.

- Ершаков…Ершаков, - задумался главком, - помню такого, я с ним в 19 году под Петроградом общался, хороший командир… и откуда у него эти сведения?

- Товарищ Сталин, он как раз у меня на совещании, может сам рассказать…

- Передайте тогда трубку товарищу Ершакову…

Я с побелевшим лицом подошел к комфронту и взял у него из рук черную телефонную трубку.

- Командарм-20 Ершаков у телефона, - сказал я сиплым голосом, все же не каждый день общаешься напрямую с руководителем государства.

- Расскажите все, что знаете про танковую группу Гепнера, - без малейшей интонации в голосе сказал он.

- По данным полковой разведки, - начал сочинять я, - в районе Рославля замечено большое скопление немецких танков, причем номер одного из них имел две девятки…

- И что это означает, товарищ Ершаков? – заинтересовался Сталин.

- Первая цифра номер роты, вторая номер взвода, последняя – номер машины во взводе… так вот по 9 рот нет ни в одном подразделении второй танковой группы Гудериана, которая должна была располагаться напротив нашей 20 армии…

- Это очень интересно, товарищ Ершаков, но недостаточно для точного определения воинского подразделения… а кроме того, присутствующий здесь начальник разведупра Голиков утверждает, что группа Гепнера дислоцируется под Ленинградом и никуда оттуда не выводилась.

- Товарищ Сталин, - решил пойти ва-банк я, - есть такая народная поговорка – лучше перебдеть, чем недобдеть… лишняя танковая группа в составе 500 единиц на нашем направлении это реальная угроза прорыва, а эти же 500 танков под Ленинградом ничего существенно нового в расстановку сил не внесут… давайте исходить из худшего…

- В ваших словах есть определенный резон, - после некоторой паузы произнес Сталин, - что конкретно вы предлагаете в связи с возможным усилением группы армий Центр?

- Группа Гепнера базируется на левом фланге моей армии, - начал докладывать я, - на стыке с 24 армией Ракутина… по моим предположениям основной удар будет нанесен именно здесь. Кроме того 2я танковая группа, базирующаяся в районе Духовщины, на стыке 20 и 16 армий, будет атаковать именно там, а не вдоль Минского шоссе, как мы привыкли. Предложения простые – срочно заминировать танкоопасные направления в районе Рославля и Духовщины, это во-первых, передислоцировать на эти направления как минимум по 1-2 полка, это во-вторых, а еще перебросить туда хотя бы по 50 танков, это в-третьих. Все это очень срочно, потому что наступление начнется в ближайшие 2-3 дня…

- Вы, товарищ Ершаков, - начал отвечать Сталин, - хотите подменить собой весь Генеральный штаб?

- Никак нет, товарищ главнокомандующий, - мигом собрался я, - подменить не хочу… просто высказываю некоторые соображения с мест… в случае неподтверждения сообщенных мной сведений готов понести самое суровое наказание, - добавил я красок в конце своего выступления.

- Хорошо, товарищ Ершаков, мы подумаем над этим, - и в трубке раздались короткие гудки.

- Ну и заварил ты кашу, Филипп Афанасьевич, - с кислой миной сообщил мне Конев. – Как ее расхлебывать будем?

А в Кремле Сталин, положив трубку ВЧ-связи, сидел в неподвижности добрую минуту, при этом никто не решался нарушить его молчание. Наконец генсек ожил, раскурил свою знаменитую трубку и начал говорить.

- Товарищ Василевский, я считаю, что к словам товарища Ершакова следует прислушаться… предоставьте план мероприятий по перекрытию танкоопасных направлений на Западном фронте… срок 12 часов. Далее… товарищ Голиков, примите самые срочные меры по уточнению местонахождения 4-й танковой группы немцев… срок такой же. Товарищ Говоров, изыщите резервы для укрепления артиллерии Западного фронта… срок сутки. Совещание закончено, все свободны.

Борьба с танками, Дорогобуж

Личный состав 35-го истребительного батальона 98 полка приехал инструктировать товарищ из штаба армии, его звали подполковник Звягинцев.

- Товарищи, - инструктаж проходил на свежем воздухе, плакаты были прикреплены к забору одной из хат на окраине городка, - танк это сложная и опасная машина, однако, не следует его бояться, как черта из ада, - начал подполковник, блестя линзами своих очков, - у

него имеется много уязвимых мест, через которые его можно как минимум обездвижить, а как максимум полностью вывести из строя… рассмотрим основные типы фашистских танков…

Лектор подошел поближе к вывешенным плакатам и показал на крайний слева.

- У немцев 4 основных типа танков, два из которых можно назвать боевыми машинами поддержки пехоты, это Т-1 и Т-2. Они же Панцер-1 и Панцер-2… у первого вместо пушки противотанковое ружье калибра 7,92, у второго автоматическая 20-мм пушка, хотя вместо нее может устанавливаться и огнемет. Броня обеих машин защищает от винтовочных и пулеметных выстрелов, но уже противотанковое ружье типа ПТРД Дегтярева пробивает ее насквозь.

Звягинцев перешел к другим плакатам.

- Панцер-3 и Панцер-4 это гораздо более мощные и защищенные бронетанковые средства… у первых устанавливается пушка калибром от 37 до 50 мм, бронирование лба и бортов 15 мм, крыша и дно 10 мм. У вторых все еще более серьезно – пушка 75 мм, лобовая броня 50 мм, боковая 30. Машины мощные, проходимые, их броню пробьет только 45-мм пушка, к ним надо относиться серьезно, но не пугаться сходу.

Лектор вытер пот со лба, бабье лето в этом году выдалось очень жарким.

- Итак, возьмем самый мощный немецкий танк Т-4 и рассмотрим подробнее методы борьбы с ним, - Звягинцев остановился у соответствующего плаката. – Самые уязвимые места на нем, это, конечно, дно и задняя часть, броня там не превышает 10 мм, что легко пробивается не только противотанковым ружьем, но и обычным стрелковым оружием. Вы наверно спросите, как можно дотянуться до днища и задней части танка?

Собравшийся народ зашумел, подтверждая такой вопрос.

- Только, когда танк будет переезжать ваш окоп, - внес ясность подполковник, - тогда можно его пропустить и бросить вслед гранату… или связку гранат. Вообще с танками лучше всего борется артиллерия, при этом располагать огневые позиции лучше не на открытом месте, а маскировать их в складках местности или на опушках лесных массивов.

Звягинцев налил воды из графина, выпил полный стакан и продолжил.

- Если танки дошли до вашего окопа, и артиллерия не смогла их остановить, в этих случаях паниковать не надо – просто пропускаете их через себя, если есть связка гранат, кидаете в корму, если нет – ждете немецкую пехоту и отсекаете ее огнем. Без поддержки пехоты бронетанковая техника долго не проживет.

Подполковник немного прошелся вдоль слушателей и в заключение своей краткой лекции сказал:

- И еще одно - с Балтийского флота вчера получена партия магнитных мин, кто-то знает, что это?

Ответом было напряженное молчание.

- Тогда объясняю, - он достал из вещмешка круглый предмет и показал его всем, - они аналогичны обычным минам, кроме того, что здесь в корпус встроен мощный постоянный магнит. Показываю…

Он подошел к большому железному сейфу, стоявшему в углу, и приложил мину к его стенке, мина намертво прилипла.

- Мощность магнита рассчитана так, что отцепить ее может физически развитый солдат, смотрите, - и он с натугой, но отсоединил мину от шкафа, - на боевой режим они ставятся так же, как обычные – удалением вот этой чеки и установкой времени замедления… вот здесь. Вашемуу подразделению будет выделено 15 штук таких устройств, крепить их следует к дну танка во время проезда его через окоп… вопросы есть?

2 октября 1941 года

Два предыдущих дня прошли в какой-то головоломной карусели – решение Ставки об укреплении обороны с обеих сторон Минского шоссе заставило множество людей срочно менять планы и дислокацию. Не менее 4-х полков и сотня боевых машин были переброшены на юг и на север относительно позиций 20-й армии. Обустройство на новом месте, конечно, было выполнено на скорую руку, но окопы полного профиля все же появились, хотя бы вдоль проселочных дорог, которых здесь имелось не менее 20 штук.

Как ни странно, но ни 30 сентября, ни 1 октября наступление в районе Брянска не началось, как это случилось в реальной ветке истории, видимо немцы в последнюю минуту решили переиграть свои планы.

Ночь у меня прошла в напряженном ожидании, ни на минуту заснуть не смог. Тем более, что телефоны в штабе армии звонили регулярно, дивизии и полки докладывали о ситуации и запрашивали подтверждений на разное. Заставил ординарца заварить чаю покрепче, раз уж все равно спать не приходится… к чаю у нас был колотый сахар баранки с маком, все развлечение.

Ординарец, сержант Игнатьев, из крестьян Тамбовской губернии, присел рядом, чай мы пили вместе.

- Как дела дома-то, Игнатьев, - спросил я у него, - в Тамбовской губернии?

- Плохо, товарищ генерал, - тут же вылетело из него, - продукты в магазинах быстро пропадают, а на рынках дерут втридорога… но пока никто не голодает, и то ладно. Вокзал недавно бомбили, такие вот новости.

- Я бывал в Тамбове несколько раз, знаю город – где ты там жил-то?

- Пригород такой, Покрово-Пригородное называется… от железнодорожного вокзала 15 минут на автобусе или 40 минут пешком.

- Аааа, - припомнил я с трудом, - там еще железка на Пензу проходит рядом.

- Точно, есть такое дело… а эту местность старожилы называют Козинка, полностью Покрово-Пригородное никто не говорит, там много коз народ держит… - и он без каких-либо предисловий перешел к главному вопросу, - как думаете, товарищ генерал, удержим мы сегодня немца?

- Должны удержать, Игнатьев, - рубанул я ребром ладони по столу, - иначе какие из нас бойцы Красной армии?

На это он не нашелся, что ответить, а я, не в силах сидеть дальше в штабе армии, заказал себе эмку, и мы вместе с шофером Сидельниковым и адьютантом Зотовым направился на южный фас фронта, занимаемый 24-й армией… к Рославлю и Спас-Деменску. Здесь по моим воспоминаниям должен будет состояться прорыв 4-й танковой группы, а вслед за ней и 4-й полевой армии. Поездка заняла полчаса, в половине четвертого утра я уже заходил в штаб 73-й стрелковой дивизии. Меня там встретил командир, полковник Акимов и начштаба подполковник Стрельцов.

- Как обстановка? – пожал я руки обоим.

- Все на иголках сидим, - ответил Акимов, - в ориентировке Ставки же указан сегодняшний день началом наступления немцев… но пока тихо.

- Да, должна же артподготовка перед этим пройти, - добавил Стрельцов, - как же наступление без нее начинать…

- Тоже верно, - согласился я, - а нам остается только ждать… хуже этого по народной поговорке только догонять.

И не успел я договорить до конца эту фразу, как над нами разверзся ад – немцы включили артиллерийскую подготовку на полную катушку. Но данные разведки у них, по всей видимости, были не совсем точными, потому что расположение наших сил они накрыли далеко не везде. Я это отлично видел в перископ, любезно предоставленный мне Акимовым.

- Ну вот, - обернулся я к Стрельцову, - хотел артподготовку – получай и распишись.

География и гидрология востока Смоленской области

Этот регион в сороковых годах примерно на 40 процентов был покрыт лесами и перелесками, на остальной площади размещались колхозные поля, выпасы и просто заброшенные пустоши. Болот, в отличие от Белоруссии, здесь практически не имелось. Что касается рек и озер – две главные реки были Днепр и Западная Двина (на территории Литвы - Даугава), и их притоки Сож, Десна, Вязьма и Каспля. Плюс приток Волги Вазуза и приток Оки – Угра. Все реки неширокие и незаболоченные… с севера от позиций 20-й армии протекал Днепр, а с юга – Десна. Ширина их составляет на Смоленщине максимум сотню метров, а местами и до 15-20, поэтому понятно, что для форсирования неприятелем они не составят больших преград.

Озер много, но они все небольшие и лежат в стороне от наезженных дорог. В период распутицы в основном суглинистые почвы региона представляют серьезные проблемы для проезда колесного и даже гусеничного транспорта, но, к сожалению, конец сентября и начало октября 1941 года выдались сухими и солнечными – имело место позднее бабье лето. Если кто-то не в курсе, поясню, отчего и как оно возникает, это бабье лето (в Америке его называют индейским).

Так вот – обильные листопады с последующим гниением листьев вызывают выделение большого количества тепла, которое в свою очередь влечет за собой большую область повышенного давления, называемую антициклоном. Молодое бабье лето начинается в первых числах сентября и продолжается 2 недели, а старое уже идет после 20 сентября те же 2 недели. Иногда они случаются и вместе, но чаще по одиночке, вот 41 году и не повезло в этом смысле… что погода на Смоленщине стояла сухая и теплая, и все дороги, даже проселочные находились в приличном состоянии.

Что еще сказать про восточную Смоленщину… самым крупным городом здесь была Вязьма, второй по размеру город области, 35 тысяч населения. Чуть поменьше были Рославль, Ярцево, Сафоново и Гжатск (да-да, тот самый, который потом переименуют в Гагарин в честь космонавта, родившегося здесь, сейчас маленькому Юре 7 лет). Особенно ценных производств в области почти не было, из Смоленска вывезли два военных завода, швейную фабрику, типографию (кстати, наши забыли про областной архив Смоленского обкома, который захватили немцы, а потом его забрали американцы в 45-м, и далее они 30 лет полоскали СССР цитатами из этого архива), из Рославля – вагоноремонтный завод, из Вязьмы – льнокомбинат.

Эвакуация населения происходила частично в плановом порядке, но большей частью самостоятельно, явочным порядком. Народ уже был в курсе, что такое немецкая оккупация, в одном Смоленске в первый же месяц немцы и коллаборационисты уничтожили десяток тысяч гражданских лиц, и это не считая уморенных голодом военнопленных в лагере номер 126. Поэтому ехали все, кто мог – из миллиона девятисот тысяч по данным на конец 40 года к октябрю здесь осталось меньше половины. На линии противостояния наших и немцев и в ближайших тылах, таким образом, находилось порядка 200 тысяч жителей, не сумевших или не захотевших эвакуироваться.

В общем и целом у Красной армии не было ни единого шанса удержать танковые клещи группы армий Центр и избежать очередного, самого крупного котла с начала войны… если не считать меня, Владимира Полякова из будущего, а ныне генерала Ершакова, командующего 20-й армией Западного фронта… шанс, конечно, призрачно-иллюзорный, но как говорится в одной народной поговорке – назвался груздем, полезай в кузов, Володя.

Танковые клещи

Командир дивизии Акимов вопреки моим ожиданиям даже заулыбался, сказал он при этом следующее:

- Народная поговорка говорит, что хуже всего ждать и догонять… мы вот дождались, значит худшее позади, верно?

- Это как посмотреть, полковник, - ответил я ему, - некоторые всю жизнь чего-то ждут и ничего, живы-здоровы… но ладно, разговоры в сторону – командуй, Акимов.

И Акимов начал командовать, для начала названивать по двум стоящим рядышком телефонам своим подчиненным и запрашивать информацию по обстановке. Часть запрашиваемых не отвечала, видимо кабель порвался, остальные кратко, но четко докладывали ситуацию.

- На левом фланге началось движение танков, - буднично сообщил Акимов, - примерно 20-25 единиц идут от Рославля.

- Минные поля там поставлены? – уточнил я.

- Так точно, - машинально вылетело из Акимова, - два последних дня устанавливали, противотанковые ТМ-35 и противопехотные ПМД-6, по сотне того и другого поставили именно на этом направлении.

- ТМ-35 это что, напомните, - попросил я.

- Противотанковая противогусеничная мина нажимного действия, 3 кило тротила внутри, - ответил Акимов и сам же без понуканий добавил, - а ПМД-6 это противопехотная мина фугасного типа с 600 граммами взрывчатки, у нее деревянный корпус, поэтому миноискателями она ищется с большим трудом.

Как бы подтверждая его слова, слева громыхнуло два раза подряд.

- Что там? – спросил я у Стрельцова, который припал к перископной трубе, выходившей через окно в ту сторону.

- Похоже, два немецких танка подорвались, товарищ генерал, - быстро ответил тот, - но еще очень много осталось.

- Артиллерия у вас где расположена? – задал я вопрос уже Акимову.

- Вот здесь, товарищ генерал, - указал он карандашом на карте, расстеленной на столе, - в двух перелесках слева и справа… начнут стрелять, когда увидят борта танков – такие были указания из штаба армии.

И в этот момент затрезвонил один из телефонов рядом с картой.

- Вас, товарищ генерал, - протянул мне трубку Акимов, - командующий фронтом.

- Слушаю, товарищ генерал-полковник, - я непроизвольно вытянулся по стойке смирно.

- Ершаков, ты почему не в штабе армии? – прогромыхало оттуда.

- Организую командование из вынесенного командного пункта, - нашелся я.

- Ладно, потом это обсудим – доложи обстановку, что там у 73 дивизии?

- Артподготовка закончилась четверть часа назад, началась танковая атака, примерно 25 единиц ползут к нашим позициям… два танка подорвались на минах, - в это время слева громыхнуло еще раз, - кажется уже и третий подорвался… организуем оборону, товарищ генерал.

- Второй эшелон обороны подготовлен?

- Так точно… в километре позади первого эшелона.

- Возвращайся в свой штаб, генерал, - устало сказал Конев, - не хватало еще, чтоб ты лично в атаку побежал, - и он положил трубку.

- Приказ командира – закон для подчиненного, - сказал я двум командирам, - я поехал… немедленно телефонируйте о любых изменениях в ходе боя.

И я сел в свою эмку… обратный путь получился как-то короче, непонятно почему. А штаб моей армии гудел, словно улей – казалось, здесь говорили все, причем одновременно.

- Товарищ генерал, - встретил меня на пороге начальник штаба полковник Басов, - обстановка усложняется – немцы начали наступление одновременно в трех направлениях.

- Покажите на карте, Иван Андреевич, - попросил я его.

- Конечно, - мы подошли к карте на стене, - нашу армию плюс соседние 19-ю и 24-ю обходят с обеих сторон… на севере по направлению Духовщина-Капыревщино-Вадино, а на

юге от Рославля на Спас-Деменск. На обоих направлениях задействовано порядка 500 танков и до 10 дивизий пехоты.

- Насколько продвинулись немцы? – уточнил я, - какая последняя информация?

- На севере первая линия обороны прорвана в двух местах, здесь и здесь… - указал он указкой, - до второго эшелона немцы пока не дошли.

- А на юге?

- Там обстановка немного лучше – первая танковая атака отбита, около 30 единиц остались на поле боя, большинство повреждено минами, готовится вторая атака. Мессершмиты и Юнкерсы чувствуют себя хозяевами, - неожиданно пожаловался он, - над головами ходят.

- Потом поговорим про авиацию, - притормозил его я, - я правильно понял, что непосредственно наша 20-я армия в боях не задействована?

- Правильно, товарищ генерал, - подтвердил Басов, - от Ярцева до Ельни все тихо-спокойно. Исключение – 73 дивизия Акимова, там атакуют порядка 25 танков.

- Про Акимова я в курсе, только что оттуда… вот что, полковник… - я задумался на добрую минуту, а затем выдал целеуказание, - готовь приказ – 129 дивизия снимается со своих позиций и передислоцируется на 12 километров на север… то же самое относительно 161 дивизии, 12 километров на юг… задача – прямо с марша вступить в бой с наступающими немецкими частями. Срок исполнения – 6 часов, докладывать об изменениях ситуации лично мне немедленно.

Рославль

Здесь располагался наспех оборудованный штаб 4-й танковой группы под командованием генерал-полковника Гепнера. Группу спешно перебросили из-под Ленинграда для укрепления и без того мощного кулака группы армий Центр, причем сам Эрих Гепнер был резко против такого решения, его передовые машины уже видели в бинокли южные предместья второй столицы России. Однако в армии приказы не обсуждаются, а исполняются, поэтому передислокация была выполнена в самые сжатые сроки, меньше недели, и осталась практически незамеченной противником. Для еще более полной дезинформации русских в Гатчине было оставлено два радиста из штаба группы, которые дополнительно ввели в заблуждение службу радиоперехвата Разведупра.

Наступление на восток для Гепнера было запланировано практически с колес – на отдых и техническое обслуживание фон Бок отвел всего два дня. И вот на рассвете 2 октября 1941 года танковая лавина двинулась в наступление на позиции русских по направлению Спас-Деменск-Сухиничи с целью взять в кольцо с юга огромную группировку советских войск с центром управления в Вязьме.

Гепнер даже сказал небольшую речь перед построенным в каре боевым составом группы, взяв основные детали из последней речи Геббельса в Спортхалле.

- Солдаты, - сказал он, - наступает решающий час нашей борьбы с жидобольшевизмом. Нами отвоевано больше половины европейской части России, разбито около сотни дивизий Красной армии, 3 миллиона ее бойцов у нас в плену, и сейчас начнется решающая операция, где к нашим ногам упадет ее столица. Если все будет сделано в соответствии с планами фюрера и ставки ОГК, то через месяц, самое позднее, мы будем пить шнапс на Красной площади и отмечать великую победу Германии. Будьте же твердыми и отважными, как подобает истинным арийцам, и успех будет на нашей стороне! Вперед, на Москву, солдаты!

Строй ответил троекратным Хайль Гитлер, после чего бойцы разбежались по своим машинам и медленно, но верно начали выкатываться по указанным в приказе направлениям. Механик-водитель танка Т-4 с бортовым номером 331 Ханс Крюгер, печник из Бреслау, тихо сказал сидящему рядом заряжающему Томасу Мюллеру:

- Не нравится мне эта накачка перед боем… раньше нас просто вперед отправляли без лишних слов…

- Я тоже не очень понял, - отвечал ему Мюллер, маленький, но крепко сбитый столяр из предместья Мюнхена, - но слова начальство не обсуждают, а принимают во внимание.

- Разговорчики, - строго оборвал их беседу командир танка Михаэль Штих, бывший хозяин пивной в Бремене, - давайте не отвлекаться от боевых задач, парни…

Крюгер с Мюллером поняли все с полуслова и замолчали… через пять минут по радиосвязи поступила команда начать движение.

- Что там у нас впереди? – спросил Крюгер у командира, - этот вопрос в русле боевых задач, командир?

- В русле… - хмуро отвечал Михаэль, - прямо по курсу через два километра с небольшим русские окопы… а перед ними минные поля.

- И нас отправляют прямиком на них, на эти поля? – задал логичный вопрос Мюллер. – Разве не надо было сначала их обезвредить?

- Командование уверило, что там есть минимум два безопасных прохода, - хмуро сообщил командир, - они будут обозначены красными флажками… вижу один из них справа.

- Я тоже вижу, - откликнулся Крюгер, - но только один флажок… безопасный проход слева или справа от него?

- Сейчас выясню, - и Михаэль начал вызывать по радио штаб группы.

- Русские начали стрелять, - сообщил Мюллер, - по одному разрыву слева и справа…

И в этот момент случился прилет прямиком в танк под командованием Штиха… все заволокло дымом с привкусом кислятины.

- Все целы? – справился командир, ему по очереди ответили Крюгер и Мюллер, что кажется да, все в норме. – Ну, тогда малый вперед, Ханс, безопасный проход слева от флажка шириной минимум в 50 метров, - скомандовал водителю.

Ханс молча кивнул командиру и сдвинулся на пару десятков метров влево, рядом тот же маневр предприняли танки с номерами 332 и 321. И эта тройка медленно выкатилась на широкое поле, засеянное пшеницей, на противоположном конце которого угадывались окопы противника.

- Эх, у нас под Бреслау такие же пшеничные поля, а еще ячменя много сажают, - сказал в пространство Крюгер, - жалко давить.

- Отставить сожаления, - жестко заметил ему Штих, - русские потом соберут урожай, который пойдет на корм нашим врагам… так что дави без жалости.

- Вижу русскую батарею справа, на два часа, - объявил Мюллер, - не меньше пяти орудий.

- Стоп машина, башню вправо на 20 градусов , - тут же скомандовал Михаэль водителю и добавил для Томаса, - заряжай осколочным.

Мюллер живо зарядил пушку снарядом и машинально посчитал оставшееся количество – у них комплектация танка была под литерой Б, поэтому максимум, что он вмещал, это было 80 снарядов, но сейчас их имелось всего 65, часть боекомплекта истратили под Ленинградом. Ну ладно, на этот бой точно хватит, подумал он.

- Выстрел готов! – проорал он в ухо командира.

Тот посмотрел в смотровую щель в башне, их там целых 5 штук имелось, этих щелей, закрытых защитным триплексом, и скомандовал заряжающему:

- На 3 градуса влево и на 5 градусов вверх!

Мюллер выполнил приказание, тогда Михаэль приказал открыть огонь и сразу заряжать по новой…

- Перелет метров на 30, - крикнул командир вниз, - по направлению попали… опустить пушку на один градус и сразу огонь! Попали, - из русской батареи полетели в разные стороны какие-то обломки.

- Пушку прямо, - крикнул Штих, - и полный вперед…

- Вижу впереди русский танк, - крикнул спереди водитель, - БТ-7… даже два танка, второй в роще спрятался.

- У БТ-7 пушка 45 мм, - добавил красок в обсуждение заряжающий, - наш лоб не пробьет, даже если попадут.

- Помолчи, Томас, - строго приказал командир, - я сам все это знаю… поворот гусеницами налево на 10 градусов.

Следом началась перестрелка с двумя русскими машинами, при которой расстояние между ними быстро уменьшалось.

- Взрыв справа, - доложил водитель, - похоже 332 на мине подорвался.

- Вот и верь штабным, что проход безопасный, - в сердцах бросил Михаэль, - а русские танки-то отходят.

Оба БТ-7 остались целыми в перестрелке, они сначала дали задний ход, а потом скрылись за березовой рощей.

- Впереди первый окоп, - крикнул спереди водитель, - артиллерии не видно, но у них могут быть противотанковые ружья.

Командир доложил по рации о своем продвижении и подал следующую команду, - Полный вперед! Давим все, что шевелится.

И их машина быстро двинулась вперед, стреляя с интервалами в 20 секунд, быстрее Мюллер заряжать не мог. Справа из окопа, изгибом уходящим назад, и правда пару раз выстрелили из гранатомета, и один раз даже попали, но броне Т-4 это никак не повредило.

- Окоп впереди, - крикнул водитель, - что делаем, командир?

- Ширина небольшая, переезжаем, - ответил тот.

И Панцер-4 с бортовым номером 331 медленно перевалился на другую сторону окопа, при этом снизу раздался некий непонятный звук, лязг железа о железо.

- Что это было? – спросил Штих, - кто-нибудь знает?

- Иван постучал винтовкой о наше дно, - ответил заряжающий, - больше ничего придумать не могу…

Это были его последние слова в земной жизни, потому что стук снизу означал вовсе не то, что он подумал, а постановку магнитной мину на днище танка… 500 грамм тротила сработали штатно с замедлением в полминуты, взрыв разворотил танк чуть ли не пополам – защита дна была минимальна. Водитель и заряжающий умерли мгновенно, командира же защитил бронированный низ башни, и его только контузило. С большим трудом он вылез через верхний люк, свалился на землю, тут его и взяли в плен бойцы 38 полка 161 дивизии 20-й армии, прибывшие на эти позиции буквально только что.

БТ-7

А экипаж танка БТ-7, который только что поучаствовал в перестрелке с Панцером-4 с бортовым номером 331, передислоцировался на левый фланг позиций 38 полка. Это был командирский танк, оборудованный радиосвязью, и на башне у него торчала характерная кольцевая антенна – по радио он и получил такой приказ. Соседний БТ, не имеющий радиосвязи получил аналогичный приказ визуально, командир лейтенант Григорьев, высунулся из своей башни и жестами показал, что ему надо делать.

Всего надо было проехать не больше двух километров, от линии фронта их маршрут закрывала роща смешанного леса, березы и сосны.

- Эх, наверно, грибов сейчас в лесу прорва, - задумчиво сказал заряжающий сержант Величко, - осень теплая, самое лучшее время для них.

- Если живыми останемся сегодня, пособираем твоих грибов, - мрачно ответил ему командир, дернув лицом, у него плохо заживал ожог, полученный в битве за Смоленск, - а пока надо фашиста удержать.

- Удержим, товарищ лейтенант, - поддержал беседу механик-водитель ефрейтор Арифуллин, - костями ляжем, но удержим.

- Твои бы слова да богу в уши, - не совсем политически правильно, но по делу прокомментировал его слова командир, - Величко, сколько у нас снарядов осталось?

- 32 выстрела, - быстро ответил тот, - 20 бронебойных, остальные осколочные… а на минах пять штук фашистов подорвалось, я посчитал.

- Я тоже, - ответил Григорьев, - и артиллерия еще столько же подбила, но осталось не меньше 20… нам хватит. Стоп-машина, - среагировал он на солдата с флажком, - сейчас нам пояснят следующую задачу…

БТ подкатил к этому бойцу и затормозил, одновременно открылись два люка, командирский и водительский, оттуда высунулись два бойца, ожидая дальнейших указаний. Ведомый танк притормозил с другой стороны.

- Вон к тому бугорку следуйте, - показал солдат с флажком, игнорируя субординацию, не до нее в ходе боя, - за ним оборудованы позиции для танков, две площадки ваши.

- Услышал, - хмуро ответил Григорьев, - ты из какого полка-то, боец?

- Из 38-го, - сказал тот, - только что прибыли из Дорогобужа.

- Кравцов, - крикнул лейтенант командиру соседнего танка, - поехали.

Оба люка захлопнулись, и два танка медленно покатились в указанную сторону. Григорьев попытался связаться со своим штабом, но ничего у него не вышло – видимо рация вышла из строя во время перестрелки.

- Я слышал сильный взрыв, когда мы рощу огибали, - сказал, ни к кому конкретно не обращаясь, заряжающий, - в районе окопов. Что бы это могло быть… в окопах тяжелее гранат ничего быть не может.

- Может, Богдан, - после небольшой паузы ответил ему командир, - я краем уха слышал, что этому подразделению выделили магнитные мины.

- Я читал про них в Красной звезде, - сказал водитель, - но они вроде только на флоте применяются…

- Их и привезли с Балтфлота, - продолжил Григорьев, - там все равно их прилаживать некуда, Финский залив же фрицы перегородили.

- Выходит, это наши ребята кого-то из фрицев подорвали… - задумался заряжающий.

- После боя узнаем, - хмуро ответил командир, - если живыми останемся. Мы приехали, подруливай к тому краю, - указал он для водителя направление движения.

За бугром и верно были расчищены целых четыре площадки чуть ниже вершины, так что из-за него видны были только башни, да и то не полностью, поэтому площадь прицеливания для фашистских танкистов уменьшилась в разы. К БТ Григорьева подбежал капитан с рукой на перевязи.

- Капитан Мартиросян, вы из какого полка? – осведомился он.

- Из 128-й танковой бригады, - ответил командир, - командир полковник Мишулин.

- Хорошо, - с кислой миной сказал капитан, - занимайте крайние две позиции… ожидаем вторую атаку фрицев через полчаса-час. Ваша задача – выбить хотя бы 5-6 панцеров.

- А первая атака, значит, закончилась? – справился Григорьев, - мы отбились?

- Все так, лейтенант, - кивнул капитан, - две артиллерийские батареи из четырех разбиты полностью, в остальных осталась половина орудий… убыль личного состава – примерно четверть… но пока держимся.

Дорогобуж. Штаб 20-й армии

Телефоны на моем столе, включая знаменитый ВЧ-аппарат, звонили непрерывно, иногда по два сразу. Я сначала отвечал на звонки лично, потом посадил на эту работу адъютанта, наказав звать, только если будет что-то важное по ВЧ. А сам ушел в соседнюю комнату и прилег на диванчик, оставшийся тут со времен горкома партии. Судя по докладам с мест, дела обстояли отвратительно, но лучше, чем в прошлой истории… по крайней мере марши по 20-30 км в день немецкие танки не совершали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.